

Е Мянью нахмурился. При виде никнейма «Прохладная водица» даже думать не приходилось — это точно Чэн Лян, придурок ходячий. И что за дурацкое имя?

Время перевалило за два часа ночи. Какого черта он строчит посреди ночи, вместо того чтобы спать?

Да еще и всю ленту в соцсети своими публикациями забил. Явно от безделья мается.

Е Мянью швырнул телефон на кровать и проигнорировал сообщение.

Ночь становилась все глубже, а воздух в комнате постепенно остывал.

Раздался тихий стук в дверь.

— Е Мянью, ты спишь?

Он стоял у кровати. Скинув уличную одежду, он как раз собирался надеть пижаму. Через несколько дней ему нужно было съездить в город — забрать кое-какие вещи, которые он оставил на старом месте и так и не увез.

— А ты в отличной форме. Правда, мне всё равно немного уступаешь. Но почему ты такой белый? Весь, с ног до головы.

Голос раздался прямо за спиной, заставив Е Мянью вздрогнуть.

«Мать твою!»

Е Мянью резко развернулся и уставился на стоявшего в дверях Чэн Ляна.

— Ты как сюда вошел? — спросил он, инстинктивно прикрываясь одеждой.

— А, ты об этом? — Чэн Лян кивнул на дверь. — Она не заперта. Я ручку повернул и зашел. Думал как раз, спишь ты или нет.

Он небрежно прислонился к косяку.

— Вижу, на сообщения не отвечаешь — решил, что уже дрыхнешь. Но свет-то в спальне горит. Вот и заглянул проверить. И чего ты прикрываешься? Я же с тобой ничего не сделаю.

Нормальные люди у себя дома двери в комнаты не запирают — не от воров же прятаться. К

тому же Е Мянью парень, запирается на замок на ночь казалось ему излишне жеманным.

— У меня нет склонности к эксгибиционизму, — буркнул Е Мянью.

Он отбросил одежду в сторону и демонстративно, ничуть не смущаясь, натянул пижаму прямо перед Чэн Лянем.

Чэн Лян потер кончик носа:

— Ладно-ладно. А вот у меня есть. Я вообще сплю голышом. Кстати, получается, ты меня один раз голым видел, а теперь я тебя. Полный расчет, а?

«Какой еще, к черту, расчет!»

Знай Е Мянью, что этот полуночник припрется к нему в спальню, он бы заперся на все три засова.

— А стучаться перед входом тебя не учили? — процедил он. — Так сложно просто вломиться?

Чэн Лян скрестил руки на груди:

— Ну тут ты зря наговариваешь. Я честно стучал, просто ты не услышал.

Е Мянью застегнул пижамную куртку.

— Я ложусь спать. А теперь будь добр, катись отсюда колбаской.

Чэн Лян и не подумал уходить. Вместо этого он шагнул в комнату, подошел к Е Мянью и, с улыбкой окинув его взглядом сверху вниз, насмешливо спросил:

— А почему пижама не с мультяшками?

Из-за разницы в росте Е Мянью пришлось задрать голову, чтобы встретиться с ним взглядом.

— Моя единственная пижама с мультяшками сейчас на тебе. Всё сказал? А теперь проваливай.

Подросток обнаглел вкraj — завалился посреди ночи в чужую спальню без спроса, да еще и права качает.

— Конечно, не всё.

С этими словами Чэн Лян резко наклонился. Он уперся ладонями в кровать по обе стороны от Е Мянью, фактически заперев его в кольцо своих рук.

Они оказались лицом к лицу — расстояние между ними не превышало двух кулаков. Чэн Лян дерзко ухмыльнулся, заглядывая Е Мянью прямо в глаза.

Секундой позже Чэн Лян уже стоял на одном колене на полу, прижимая ладонь к животу. Вторую руку он выставил перед собой в примирительном жесте:

— Стой, стой... Признаю, был неправ. Перемирие, Брат Мянью, перемирие!

Ренегату следовало бы поберечь свои швы. Е Мянью сидел на кровати, и с этого ракурса ему было чертовски удобно прописать Чэн Ляну короткий хук прямо в солнечное сплетение, а вдобавок еще и пару раз пнуть по голени.

Чэн Лян хоть и сдался, но продолжал невыносимо нагло улыбаться. Он и не думал раскаиваться.

— Еще раз сунешься — вышвырну пинками, — пообещал Е Мянью.

Когда Чэн Лян наконец убрался, Е Мянью смог выдохнуть. Легкая разминка перед сном пошла на пользу — едва его голова коснулась подушки, он мгновенно провалился в глубокий сон без сновидений.

Проснулся он только в начале одиннадцатого утра.

В гостиной на диване уже никого не было. Одеяло лежало аккуратно сложенное вчетверо, уголок к уголку — прямо-таки армейский порядок.

Е Мянью взял одеяло, собираясь отнести его в спальню, и в этот момент прямо к его ногам спланировал клочок бумаги. Перехватив одеяло одной рукой, он поднял записку.

Это было послание от Чэн Ляна, написанное размашистым, почти каллиграфическим почерком, какой обычно заказывают у дизайнеров для личных подписей:

«Я проснулся в восемь, ты еще дрых. Сварил тебе кукурузную кашу — благо у тебя нашлись и кукуруза, и рис».

Е Мянй пробежал глазами короткие строчки, скомкал бумажку в плотный шарик и точным броском отправил в мусорное ведро. Правда, последняя фраза показалась ему немного странной.

В мультиварке действительно томила каша. Стоило открыть крышку, как по кухне поплыл аппетитный сладковатый аромат. В животе у Е Мянй требовательно заурчало.

Рядом с мультиваркой обнаружилась еще одна записка.

«Решил, что пустая каша покажется тебе пресной, так что сбегал в переулок и взял пару баоцзы и лапшу. Оставил в микроволновке».

В итоге Е Мянй нашел на кухне целую серию таких бумажек. Чэн Лян превратил банальный завтрак в какой-то дурацкий квест.

Последняя записка ждала его на дверце шкафа. В отличие от предыдущих, на этой красовался рисунок.

Чэн Лян набросал карикатуру на Е Мянй: парень без рубашки, в одних штанах, а рядом размашистая подпись: «Белый цыплёнок».

— Твою мать, Чэн Лян! — процедил Е Мянй, яростно сжимая бумагу в кулаке.

Этого показалось мало. Он разорвал листок на мелкие клочки и швырнул в ведро.

Будь Чэн Лян сейчас здесь, он бы точно распластался на полу. И не просто распластался — Е Мянй заставил бы его сожрать этот чертов обрывок. Тоже мне, «цыплёнок» нашелся!

Ну да, кожа у него бледновата, но с прессом всё в порядке. Просто «аполлонов пояс» еще не так четко прорисован. Это дело наживное, стоит немного потренироваться. А Чэн Лян, судя по всему, просто решил выпендриться и похвастаться своим телом.

Открыв шкаф, Е Мянй наконец понял, к чему была первая записка про рис.

Пакет с крупой оказался пуст. Чэн Лян выскреб буквально последнюю чашку риса, чтобы сварить эту кашу.

Расставив весь завтрак на столе, Е Мянй принялся за еду. Приходилось признать: Чэн Лян умел не только закатывать шикарные банкеты, но и банальную кашу варил так, что пальчики оближешь.

Просидев дома еще несколько дней, Е Мянъ наконец решил выбраться по делам.

Автобус тащился не торопясь. Из поселка Биньян в сам город ходили всего два маршрута. До остановки одного нужно было топать минут пятнадцать, а на втором Е Мянъ как раз ехал сейчас.

Судя по навигатору, студия должна была находиться прямо здесь. Однако перед ним возвышалось здание обычного ресторана. Е Мянъ растерянно покрутился на месте с телефоном в руке.

Экран тут же мигнул, и металлический голос занудно протрещал:

[Вы сошли с маршрута. Перестраиваю путь]

«Чертова дешёвка, а не карта», — выругался про себя Е Мянъ. Он плюнул на указания и пошел напрямик к дверям ресторана. Стоило ему подойти к крыльцу, как телефон радостно звякнул:

[Вы прибыли в пункт назначения. Маршрут завершен]

Е Мянъ толкнул тяжелую дверь.

— Добро пожаловать! Проходите, пожалуйста, — тут же улыбнулся ему администратор.

— Здравствуйте. Подскажите, этот адрес действительно здесь находится? — Е Мянъ показал экран с сохраненной картинкой.

Сотрудник заглянул в телефон, затем смерил парня быстрым взглядом и указал на лестницу в углу:

— Да, вам на второй этаж. Поднимайтесь по ступеням.

Е Мянъ еще на улице всё внимательно осмотрел, но не нашел ни одной вывески или указателя, подтверждающих, что здесь находится офис.

Контора называлась «Студия изображений „Гармония Х“». Дверь на втором этаже была плотно заперта. На стук никто не ответил. Подождав с минуту, Е Мянъ потерял терпение и забарабанил по деревянному полотну ладонью. Тишина.

Он нахмурился. Неужели сегодня никого нет? Ему же четко сказали, что владелец будет на

месте весь день и ждет его с примерами работ.

Е Мянъ уже собирался развернуться и уйти, решив поискать другое место, как вдруг замок щелкнул и дверь со скрипом отворилась.

На пороге стоял мужчина с густой взлохмаченной бородой. Под его глазами залегли глубокие темные тени, будто испачканные тушью.

Шевелюра представляла собой сальный хаос — казалось, он не мыл голову неделю, а то и больше. На нем была безразмерная черная футболка, поношенные джинсы, а на ногах — ничего. Абсолютно босой.

— Кто таков? Имя, звание? — прохрипел он.

Е Мянъ на секунду потерял дар речи.

Если бы не сиротливая табличка «Студия изображений „Гармония Х“» на двери, он бы решил, что ошибся адресом и попал в логово безумца.

— Я отправлял вам свои рисунки, — наконец произнес Е Мянъ. — Пришел на собеседование. Вот мои работы и личные данные, взгляните.

Мужчина смерил его оценивающим взглядом с ног до головы. Е Мянъ внутренне поморщился: что за привычка у местных — сканировать людей глазами?

— Студент? — Голос у хозяина студии оказался хриплым и надсадным, словно он всю жизнь разговаривал, перетирая горлом песок.

Е Мянъ качнул головой:

— Нет. В анкете я указывал свой возраст и всю информацию.

Мужчина забрал плотный конверт, небрежно вытащил листы и бегло пролистал наброски.

— А, я не читал твою анкету.

«Раз не читал, зачем тогда так поспешно звать на встречу?» — подумал Е Мянъ. У него закрались серьезные сомнения в адекватности этой конторы.

Ни вывески снаружи, ни порядка внутри. Чтобы достучаться, нужно выломать дверь, а встречает тебя какой-то... неопрятный персонаж неопределенного возраста.

— Ладно, работы я посмотрел. Поздравляю, ты принят. Меня зовут Синчэнь, для тебя — Босс. Это мой рабочий псевдоним, естественно.

«Синчэнь?..»

Всё это выглядело слишком легкомысленно. Беглый взгляд на рисунки — и контракт в кармане.

— Вы даже ничего не спросите? — не удержался Е Мянью.

Вчера он специально шерстил интернет в поисках советов для соискателей. Хоть сам и не собирался следовать дурацким шаблонам, базовые представления о приличных собеседованиях у него имелись.

Синчэнь вернул конверт Е Мянью, распахнул дверь шире и ушел вглубь помещения. Немного поколебавшись, парень шагнул следом.

— У меня тут легкий творческий беспорядок, — бросил Синчэнь, пробираясь к дивану. — Мелкий паршивец совсем обленился, не дозовешься прибраться. Сидит безлазно дома, носа не кажет.

Он принялся сгребать с дивана горы хлама: эскизы, графические планшеты, кисти, тюбики с краской и какую-то одежду.

— А о чем мне тебя спрашивать? Какие у тебя грамоты? Где учился, где живешь и сколько хочешь получать? Мне плевать, если честно. Здесь на это не смотрят. Будь ты хоть трижды гением из столицы или лауреатом всевозможных юношеских премий — мне без разницы. Кстати, в холодильнике только пиво. Будешь?

Он водрузил на журнальный столик две жестяные банки. Сам уселся на освобожденное место, со щелчком вскрыл одну и в несколько глотков осушил наполовину.

— Спасибо, не надо, — вежливо отказался Е Мянью. Он не привык брать еду или напитки у малознакомых людей — эта привычка осталась еще с детского сада. Даже сейчас, понимая, что в здравом уме никто не станет подсыпать отраву подростку среди бела дня, он предпочитал не рисковать. У него был свой, довольно скептический взгляд на безопасность.

Он подошел ближе и спросил:

— Раз уж у вас вопросов нет, у меня имеется один. Сколько человек работает в этой студии?

Синчэнь показал три пальца.

— Трое? — переспросил Е Мянъ.

— Ага, трое, — Синчэнь допил пиво и точным щелчком отправил пустую жестянку прямо в корзину. — Ты, я и еще один пацан по кличке Ланьтянь.

Е Мянъ хмыкнул:

— Ланьтянь?

— Это его псевдоним, — пояснил Синчэнь. — Означает «Голубое небо».

«Ну и семейка, — подумал Е Мянъ. — Один — Звездная пыль, другой — Голубое небо».

— А у вас тут случайно нет кого-то по имени Дахай или Байюнь? Ну, Большое море или Белое облако?

Синчэнь удивленно уставился на него, а потом весело хлопнул в ладоши:

— Ого, а ты providенцем не подрабатываешь? У нас и правда раньше парень по имени Дахай крутился, но он ушел. А вот Байюнь нет. Слушай, а это мысль! Может, возьмешь себе имя Белое облако? Будет у нас дуэт: Голубое небо и Белое облако. Звучит же!

Е Мянъ промолчал.

— Если возражений нет, давай сразу к делу — подпишем бумаги.

Е Мянъ выбрал эту студию по одной простой причине: здесь предлагали полную свободу. Никакой обязаловки, никаких отчетов и дежурств в офисе. Рисуй себе дома в комфортном темпе и присылай готовые материалы.

Кроме того, условия договора были на удивление честными, без кабальных пунктов об эксклюзивных правах на всю оставшуюся жизнь. Обычно студии требовали контракт на пять, десять, а то и двадцать лет, забирая себе всё, что автор создаст за это время, и запрещая любые сторонние проекты.

Здесь же договор заключался конкретно под проект. Права на комикс передавались студии всего на три года. Если автора что-то не устраивало, по истечении этого срока он мог спокойно забрать свою интеллектуальную собственность и уйти на все четыре стороны.

При этом условия дележа прибыли выглядели почти сказочно: семьдесят процентов автору, тридцать — студии. А при продаже прав на адаптации (аудиопостановки, сериалы или

анимацию) пропорция становилась еще приятнее: восемьдесят на двадцать.

Е Мянью поначалу даже подумал, что это какой-то развод для наивных новичков или что владелец студии просто выжил из ума. Но, решив рискнуть, все же пришел на встречу.

Студия существовала недавно, но в профессиональной тусовке уже успела завоевать авторитет. Сам Синчэнь комиксами не занимался — он брал дорогие заказы на ручную роспись, концепты и иллюстрации для крупных люксовых брендов с мировым именем. Имя студии делали именно ее мастера. А вот в сфере веб-комиксов у них пока был пробел, который Е Мянью и должен был закрыть.

Синчэнь не спеша поднялся, дошел до принтера и вытащил стопку листов:

— Держи, только-только напечатал. Еще тепленькие. Ты когда позвонил, я как раз договор составлял. Сидел там в каморке, музыка орала, вот и не услышал, как ты в дверь колотишь.

Это был первый официальный документ в жизни Е Мянью, поэтому он уселся на стул и принялся за чтение с максимальной серьезностью.

Синчэнь тем временем откопал в куче хлама электробритву и, направляясь к выходу, бросил через плечо:

— Поскольку ты несовершеннолетний, я там немного подкорректировал пункты.

Е Мянью оторвался от текста:

— То есть вы еще до моего прихода решили подписать контракт? А если бы мы не договорились?

— Я же видел твои рисунки, — лаконично ответил Синчэнь.

Для него всё было предельно ясно. До этой встречи Е Мянью отправлял ему свое портфолио и выполнял тестовое задание — рисовал персонажей по заданному описанию. Это и было главным критерием.

— Ну а если бы не договорились, — пожал плечами Босс, — выбросил бы эти бумажки в мусорку. Делов-то на копейку.

Е Мянью мысленно согласился с логикой. Условия были чистыми, без подводных камней, и он уверенно вывел свою подпись в графе «Исполнитель».

— Готово.

Синчэнь забрал листы, быстро пролистал до нужных страниц и размашисто расписался под именем Е Мяня. Затем он скользнул взглядом по почерку парня:

— О, а у тебя рука поставлена. Шрифт красивый.

— Да, занимался немного, — подтвердил Е Мянь.

— Каким стилям учился? — поинтересовался Синчэнь.

— Всего двум: уставному письму кайшу и полускорописи синшу.

Е Мянь считал, что не стоит расплываться — двух стилей вполне достаточно, ведь каллиграфия требует колоссального терпения и времени.

— Хм, надо же. Твой коллега Ланьтянь тоже каллиграфией балуется. И тоже кайшу и синшу предпочитает. Ну и молодежь пошла — без пары скрытых талантов в приличное общество и показаться стыдно. Не то что в наши времена: идеи были, а вот денег на учебу и нормальную еду катастрофически не хватало.

— Мой коллега? — зацепился за слово Е Мянь. — Тоже художник?

Синчэнь скрылся в ванной, прихватив бритву:

— Да такой же школьник, как и ты. Для вас двоих это просто подработка. Ладно, я сейчас закончу и скину тебе его контакты. Все вопросы по выплатам и гонорарам будешь решать с ним, он у нас за кассира. А меня не дергай, я человек занятой.

Ванная комната примыкала прямо к гостиной, и Синчэнь даже не удосужился прикрыть дверь. Изнутри донеслось характерное жужжание бритвы. От нечего делать Е Мянь принялся рассматривать комнату.

Стены были увешаны огромными постерами — увеличенными копиями лучших работ Синчэня. Вдоль одной из стен высился стеллаж, плотно забитый художественными альбомами.

Внимание Е Мяня привлекла книга в новеньком глянцевом переплете, изданная буквально в этом году. На обложке значилось имя автора: Ланьтянь.

Неужели этот парень, будучи обычным школьником, уже выпустил собственный артбук?

Движимый любопытством, Е Мянь потянулся к полке, открыл книгу и замер от изумления.

Рисунки были потрясающими. Плавные линии, безупречное чувство композиции и невероятно уверенная техника. Сразу видно, что автор занимался этим с раннего детства, обладая не только классической школой, но и редким, самобытным талантом.

Работы были выполнены в традиционном китайском стиле гохуа — направлении, которое сам Е Мянь сколько ни пытался освоить, так и не смог приручить.

Ему вдруг безумно захотелось познакомиться с этим загадочным Ланьтянем лично.

<http://bllate.org/book/18333/1815450>